

УДК 63.3(2p)я73

А.В. Рачипа, В.В. Бурьков

**ФЕНОМЕН ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ПРОБЛЕМЫ
ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ И ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ
В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ**

Предпринята попытка дальнейшего изучения фундаментальных особенностей представлений о прошлом и форм проявления исторического сознания, устойчивых стереотипов исторической памяти молодежи в условиях трансформационных процессов в России на рубеже XX–XXI вв. На основе эмпирического материала современных социологических исследований, в том числе, проведенных авторами, подчеркивается, что именно результаты социологического зондирования исторических представлений молодежи, являются эффективным инструментом социальной диагностики, формирования ее ценностных ориентаций, гражданской позиции.

Глобализация; историческое сознание; историческая память; образы прошлого; история памяти; ценностные ориентации.

A.V. Rachipa, V.V. Burkov

**PHENOMENON OF HISTORICAL MEMORY AND PROBLEM OF
FORMATION OF VALUES AND YOUTH ORIENTATIONS IN A MODERN
CONTROL SYSTEM**

Attempt of the further studying of fundamental features of representations about the past and forms of display of the historical consciousness, steady stereotypes of historical memory of youth in conditions transformational processes in Russia on a boundary XX–XXI centuries On the basis of an empirical material of modern sociological researches, including, spent by authors is undertaken, underlined, what exactly results of sociological sounding of historical representations of youth, are the effective tool of social diagnostics, formation of its valuable orientations, a civic stand.

Globalization; historical consciousness; historical memory; images of the past; memory history; valuable orientations

В последние годы существенно усилилось внимание к проблеме формирования и содержания представлений о прошлом представителей различных областей социальной науки. В последней трети XX в. произошли глубинные изменения в структуре и содержании социальных знаний, в самой методологии социальных наук. Процесс выработки новой парадигмы истории оказался достаточно сложным и противоречивым. Но уже к началу XXI в. стало очевидно, что наиболее обнадеживающие перспективы открываются в тех направлениях, которые поставили во главу угла категорию культуры [1]. Таким образом, отличительной чертой новых подходов явился «культурный поворот» с характерным для него стремлением к изучению картины мира, ценностных систем, содержания культурных идеалов различных социумов. В этом общем интеллектуальном контексте изучение образов прошлого, исторического сознания и исторической памяти оказалось особенно актуальным.

Как известно, реальностью наших дней является все расширяющийся процесс глобализации, который, как показывает практика, не представляет собой только слияние национальных экономик в единую, общемировую, а является более сложным процессом, одним из последствий которого является разрушение базовых структур практически всех национальных культур, что ведет к исчезновению исторической памяти у представителей тех или иных этносов, разрушению

первооснов их исторического сознания. Трансформационные процессы в России на рубеже XX–XXI вв. существенным образом повлияли на массовое сознание и историческую память людей. Отметим, что современная российская молодежь сформировалась в условиях перестройки экономического и политического пространства, смены образа жизни и ценностей, что определило изменения в структуре ценностного сознания. Эти процессы создают угрозу социальному и межэтническому взаимодействию, обостряют проблему общественной толерантности.

Как отмечает в своем исследовании член-корреспондент РАН Ж.Т. Тощенко: «что же касается исторической памяти, то это определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим. Историческая память по сути дела является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания. Полное или частичное забвение исторического опыта, культуры своей страны и своего народа ведет к амнезии, что ставит под сомнение возможность существования данного народа в истории» [2. С. 296-297]. Представленное выше определение можно, на наш взгляд, дополнить следующим: «историческая память выступает совокупным прошлым опытом, который обеспечивает единство культурно-исторического процесса и его преемственность. Каждое поколение приобретает к социальной памяти в ее конкретно-образной форме и в форме сознательного и «коллективного бессознательного» (К. Юнг), сконцентрированных в памятниках материальной и духовной культуры, в документах и материалах различных эпох, хранящихся в архивах, музеях, библиотеках и т.п.» [3]. В связи с этим, отметим, что историческая память, в частности, обладает большой потенциальной силой, способностью сохранять в массовом сознании оценки событий прошлого, которые превращаются в ценностные ориентации, определяющие поступки и действия людей.

Комплексному исследованию целостного феномена исторической культуры, исторического сознания посвящен цикл работ Л.П. Репиной (руководитель Центра интеллектуальной истории ИВИ РАН). В данных работах особое внимание уделяется изучению процессов трансформации обыденного исторического сознания, механизмов формирования и передачи в будущее исторической памяти поколений [4, 5]. Отметим, что «история памяти», находясь на междисциплинарном исследовательском поле, привлекает все большее число специалистов историографии, социологии и философской антропологии [6, 7, 8].

Существенный интерес для изучения исследуемой проблематики представляют работы западных социологов, философов и историков, для многих из которых характерен системный подход к методологии исторического познания, осмыслению проблем прошлого. В зарубежной историографии, прежде всего во французской и немецкой, в конце XX в. сложились представительные школы исследователей исторической (культурной) памяти, и число публикаций, посвященных этим проблемам, неуклонно растет (Б. Гене, П. Нора, Я. Ассман, Й. Рюзен и др.). Несмотря на заметные концептуальные и терминологические различия, они имеют важную общую характеристику – главным предметом истории становится не событие прошлого, а память о нем, тот образ, который запечатлелся у переживших его участников и современников, реконструировался в последующих поколениях с помощью методов исторической критики [9].

Все исследователи, в принципе, едины в том, что, в отличие от собственно истории, «история памяти» занимается не изучением прошлого как такового, а того прошлого, которое существует в традициях, воспоминаниях и т.п., анализиру-

ет саму традицию как феномен социальной памяти. Следовательно, комплекс проблем, лежащих на стыке истории и социологии, дает возможность подойти к характеристике исторического сознания и исторической памяти как части общественного сознания во всем их противоречивом и парадоксальном развитии, а также говорить об относительной самостоятельности этого феномена и о специфических формах его научных методов. [2. С. 317]. Дискуссии об исторической социологии или о социальной истории стали особенно актуальны в России с 2000-х и, наверное, это – не случайно. С одной стороны, сама гуманитарная наука в России окрепла, появились обоснованные претензии на развитие своей теории и методологии, а, с другой стороны, вопросы изучения истории и социальности в их взаимной обусловленности стали особенно актуальными. Настроения тотального разоблачения истории, характерные для 90-х, ушли на второй план, хотя и не потеряли свою актуальность, а темы воспитания национальной и гражданской гордости стали позиционироваться как весьма актуальные.

Как справедливо отмечают в своем исследовании М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги: самосознание любого общества начинается с истории. Ее символически значимые события формируют смысловую основу национальной и гражданской идентичности. В то же время историческое сознание подвержено незаметному воздействию повседневных перемен. Меняется жизнь, и вслед за ней постепенно меняется и историческое сознание. Вот почему результаты социологического зондирования исторических представлений, особенно поколения, только вступающего в жизнь, являются эффективным инструментом социальной диагностики и могут иметь важное значение как для прогнозирования политического поведения населения, так и для понимания различных сегментов политической жизни [10. С. 20].

Стоит подчеркнуть, что среди исследовательских проектов последних лет анализу характера социальной идентичности российской молодежи посвящено исследование Института социологии РАН в сотрудничестве с представительством фонда им. Ф. Эберта в Российской Федерации, проведенное в марте-апреле 2007 г. в 12 субъектах РФ, а также общероссийское социологическое исследование, проведенное Институтом социологии РАН (М.К. Горшков) и Центром социального прогнозирования и маркетинга (Ф.Э. Шереги) в апреле – мае 2009 г. в 21 субъекте РФ [11, 12]. Отличительной чертой данных исследовательских проектов является то, что проблема исторического сознания, исторической памяти рассматривается в контексте тех перемен, которые происходят в российском обществе с начала 1990-х гг., когда была произведена смена вектора исторического движения. Таким образом, существует достаточно значительный пласт литературы, где анализируются различные аспекты проблемы исторического сознания, исторической памяти. Данная проблематика стала предметом социологического исследования, проведенного коллективом преподавателей кафедры СИП ТТИ ЮФУ (под руководством д.с.н., проф. Рачипы А.В.). Всего в 2010–2011 гг. было опрошено 802 респондента (студентов шести факультетов ТТИ ЮФУ).

Рассматривая некоторые актуальные аспекты современных социологических исследований, отметим что в памяти людей аккумулируются представления о героических событиях отечественной истории, о выдающихся деятелях и ярких достижениях страны. Эти представления играют роль ценностных ориентиров, способствуют укреплению гражданского самосознания и патриотизма. Как отмечают М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги, историческая память россиян хранит прежде всего духовные и научные достижения страны, т.е. те явления, которые носят созидательный характер [10. С. 33].

Изучая информацию в нашем исследовании о распределении ответов на вопрос: "Выделите важнейшее событие XX в." в изучаемой социальной группе, следует отметить следующие тезисы. Для большинства респондентов характерны следующие предпочтения при ответе на исследуемый вопрос: "Великая Отечественная война" (58 %). К основным предпочтениям при ответе на рассматриваемый вопрос для некоторой небольшой части респондентов можно отнести: "Октябрьская революция и Гражданская война" (13 %), «Перестройка» М.С. Горбачева" (10 %). Только для совсем незначительной доли опрошенных характерны следующие предпочтения при ответе на изучаемый вопрос: "Либеральные реформы. Б.Н. Ельцина" (5 %), "Россия в XXI в." (5 %), "Реформы П.А. Столыпина" (4 %), "Период НЭПа" (3 %), "«Оттепель» Н.С. Хрущева" (2 %), «Эпоха застоя» Л.И. Брежнева" (1 %).

Отметим, что в России в течение длительного периода усилия сменяющих друг друга властных структур были направлены на то, чтобы по возможности трансформировать историческую память населения. Первое массовое идеологическое отрицание истории России произошло после социалистической революции в октябре 1917 г. В последующем оно «вошло в моду», и со сменой очередного руководителя коммунистической партии история подвергалась то модификации, то фальсификации. Более того, отдельные этапы истории страны нередко почти полностью отвергались, что привело к нарушению целостности, преемственности образа истории России в массовом сознании практически всех поколений. Нескольким поколениям россиян пришлось по два-три раза переосмысливать свои взгляды на лично прожитые ими в течение активной трудовой жизни этапы истории.

Особенность этапа социальной и экономической «трансформации», начавшейся в конце 1980-х и резко ускорившей темпы в начале 1990-х гг., заключается в том, что отрицание различных периодов происходило, в отличие от прошлой практики, не огульно, а избирательно, по некоторым событиям [10. С. 25]. Отметим, что в нашем исследовании среди всех перечисленных событий XX в. период Великой Отечественной войны выделяется со значительным отрывом в 58 %. Великая Отечественная война оценивается исторической памятью как наиболее значимое событие, которое определило не только будущее нашей страны, но и всего мира и поэтому его оценка базируется не только на осознаваемом, но и на интуитивном признании роли этой войны в истории всего человечества. Что касается Октябрьской революции, то она традиционно в историческом сознании ранее рассматривалась как знаменательная веха, как точка отчета, которая знаменовала поворот в мировой истории. Однако как знаковое событие ее оценка по оси «положительно – отрицательно» серьезно изменилась в 90-е гг.: значительно выросло число людей, которые критически оценивают итоги и результаты революции. В нашем опросе эпоха Октябрьской революции и Гражданской войны набрала 13 %, что свидетельствует о значительном снижении рейтинга и значимости данного события в сознании современного студенчества.

Современный взгляд на оценку раздела "Перестройка, начатая М.С. Горбачевым" по данным проведенного нами опроса весьма критично ориентирован. Негативная оценка проведенных реформ – 41 %, значительно превосходит уровень позитивной оценки – 25 %. Данные результаты находятся в полном соответствии с аналогичными опросами, проведенными в 2000 г. – позитивная оценка – 21 %, а негативная – 41 %, что свидетельствует об устоявшемся общественном мнении по данному историческому периоду. Как отметили М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги в своем исследовании "период М. Горбачева идентифицируется как этап гражданских и политических свобод, этап неопределенности в экономике и в социальных отношениях, как начало кризиса" [10. С. 34].

Анализируя таблицу “Реформы 90-х гг., начатые Б.Н. Ельциным”, можно отметить, что результаты социологического опроса студентов практически очень близки к уровню оценок, данных периоду реформ М.С. Горбачева. Так их негативная оценка составляет 40 % и положительная – лишь 28 %. Следовательно, эти два исторических периода зафиксированы в общественном сознании, в основном, с отрицательными значениями. Следует заметить, что сравнительные данные социологического опроса, проведенного Бойковым В.Э. в 2000 г. показывают аналогичные результаты: положительно оценивают данный период – 14,5 % и отрицательно – 45 % [13]. В этом отношении вполне можно согласиться с выводом, сделанным М.К. Горшковым и Ф.Э. Шереги относительно данного исторического периода “Период Б.Ельцина воспринимается россиянами как этап всеобщего социального неравенства, полномасштабного экономического и социального кризиса, бездуховности и повальной коррупции” [10. С. 34].

Интересные выводы сделаны в аналитическом докладе института социологии РАН по результатам социологического исследования проведенного в 2011 г. «Двадцать лет реформ глазами россиян». В докладе отмечается, что посткоммунистическая трансформация России, включая экономические реформы Ельцина – Гайдара, поначалу была позитивно воспринята обществом. В первую очередь это было связано с высоким уровнем ожиданий и доверия к Б. Ельцину в тот период. Однако уже вскоре сторонники реформ оказались в меньшинстве. Позитивное к ним отношение сегодня высказывают чуть более трети опрошенных (34 %), а десять лет назад их было еще меньше (28 %). В то же время молодая активная часть населения начинает чувствовать взаимосвязь между собственными достижениями и реформами 90-х. В целом же исследование показало, что острота отрицательного отношения к ним постепенно ослабевает, сменяясь сожалением об упущенных в 90-е гг. возможностях...

Реформы 90-х, по мнению россиян, привели к ухудшению положения дел буквально во всех сферах жизни общества и страны, как в экономике, так и в политике и социальной сфере. Определенная часть населения склонна видеть «плюсы» в процессах, связанных с демократизацией, свободой слова, правами человека. Лишь корректировка курса реформ, связанная с именем В. Путина, привела к смене однозначно негативного тренда 90-х гг. Прежде всего, это относится к экономике, уровню жизни населения и особенно внешней политике. В то же время фиксируется нарастание в 2000-е гг. негатива, связанного с ростом коррупции, бюрократического засилья, а также деградацией социальной сферы [14].

Некоторые социологи справедливо отмечают, что российское общество миновало период критической переоценки своего прошлого. Сегодня существует назревшая потребность в методологии, которая бы предложила конструктивную процедуру осмысления прошлого. Вместе с тем анализ нынешнего состояния гуманитарного образования показывает, что до сих пор еще не остановлен достаточно опасный процесс размывания фундаментального знания, замены его прикладными дисциплинами. Ряд исследователей отмечает, что в обществе отсутствует понимание того, что происходит эрозия исторической памяти народа, карикатузируется и осмеивается его прошлое, и чем это грозит в будущем. Упадок исторической грамотности в нашей стране (а точнее большая неравномерность и случайность исторических представлений) очевидна. Корни этого – в средней школе [15]. Кроме того, следует отметить, что доверие общества к истории и историкам колеблется и из-за частых конъюнктурных переоценок. Старые фальсификации, сменяющиеся новой ложью, – как писал академик Ю.С.Поляков, – заставляют хромать на обе ноги не только науку, но и общество [16].

Как показывает практика, наиболее действенными механизмами формирования исторического сознания молодежи являются институты, окружающие индивида в процессе социализации: семья, система образования и средства массовой информации. Очевидна необходимость комплексного воздействия: коммуникационного, идеологического, ценностного – как на федеральном, так и на местном уровнях. Принципиальным является создание системы смыслов и образов богатого российского прошлого. Главными аспектами при формировании этой системы, на наш взгляд, могут стать две модели: образ России в ее историческом контексте и привлекательный образ страны в будущем, создаваемый при личном участии молодых людей. Опыт показывает, что недооценка роли управления формированием исторического сознания молодежи приводит к резкому снижению уровня ее гражданской ответственности. Богатый эмпирический материал современных социологических исследований может быть использован в качестве фундаментальной базы для дальнейшей разработки комплекса мер и механизмов, направленных на формирование и развитие исторического сознания молодежи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Репина Л.П.* Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5. – С. 39.
2. *Тоценко Ж.Т.* Парадоксальный человек. – 2-е изд. – М., 2008. – 543 с.
3. Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энци. словарь. – М., 2001. – 544 с.
4. Время – История – Память: историческое сознание в пространстве культуры / Под ред. Л.П. Репиной. – М.: ИВИ РАН, 2007. – 320 с.
5. Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. – М., 2008. – 800 с.
6. Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: Теория, историография и практика конкретных исследований / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой, Л.П. Репиной. – М.: ИВИ РАН. – 2004. – 170 с.
7. *Богданов В.В., Черников П.Ю., Байлов А.В., Горпынченко Л.В.* История и память. Проект междисциплинарного исследования социальной памяти. – Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2010. – 128 с.
8. *Рачина А.В., Байлов А.В., Бурьков В.В.* Образы прошлого: историческая память и историческое сознание современной студенческой молодежи (на материалах ТТИ ЮФУ). – Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2011. – 94 с.
9. *Артог Ф.* Время и история. Анналы на рубеже веков: антология. – М., 2002. – С. 157-159.
10. *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Молодежь России: социологический портрет. – М., 2010. – 592 с.
11. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. (М.К. Горшков и др.) – М.: Институт социологии РАН, 2007. – 95 с.
12. *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Молодежь России: социологический портрет. – М., 2010. – 592 с.
13. *Бойков В.Э.* Состояние и проблемы формирования исторической памяти // Социологические исследования. – 2002. – № 8. – С. 87.
14. Двадцать лет реформ глазами россиян (Опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад Института социологии РАН // Полис. – 2011. – № 6. – С. 111-113.
15. *Карпов С.П.* Историческая наука на современном этапе: состояние и перспективы развития (в связи с 75-летним юбилеем истфака МГУ) // Новая и новейшая история. – 2009. – № 5. – С. 21-22.
16. *Поляков Ю.А.* Историческая наука: итоги и проблемы. Кн. 3. – М., 2009. – С. 29.

Статью рекомендовала к опубликованию д.с.н., профессор И.А. Янкина.

Рачипа Андрей Валерьевич – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»; e-mail: soc@tsure.ru; 347939, г. Таганрог, ул. Кузнечная, 194-1, кв. 17; тел.: 88634371641; кафедра социологии, истории и политологии; заведующий кафедрой.

Бурьков Владимир Васильевич – e-mail: bww-2009@yandex.ru; 347909, г. Таганрог, ул. Щаденко, 13; тел.:88634371641; кафедра социологии, истории и политологии; доцент.

Rachipa Andrey Valeryevich – Federal State-Owned Autonomy Educational Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”; e-mail: soc@tsure.ru; 17, sq., 194-1, Kuznechnaya street, Taganrog, 347939, Russia; phone: +78634371641; the department of sociology, history and political science; head of the department.

Burkov Vladimir Vasilyevich – e-mail: bww-2009@yandex.ru; 13, Tschadenko street, Taganrog, 347909, Russia; phone: +78634371641; the department of sociology, history and political science; associate professor.